
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: К 190-ЛЕТИЮ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Людмила Авдеева
(г. Москва)

УГРЮМОЕ ИМЯ — ДОСТОЕВСКИЙ ИЛИ ЗАГАДКА ОДНОГО ПИСЬМА

(к 190-летию со дня рождения и 130-летию со дня смерти писателя)

Авдеева Людмила Евгеньевна — литературовед, культуролог, журналист-международник, поэт. Член СП РФ, Международной Федерации журналистов. Автор более двадцати книг лирики, сборников стихов для детей, научных статей в академических изданиях, публикаций в коллективных альманахах, в отечественной и зарубежной прессе.

«Нет, чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную...» — может сказать некий ворчливый читатель после прочтения моих заметок, словами рассказа В. Одоевского, взятыми Федором Михайловичем Достоевским эпиграфом к «Бедным людям». Действительно, «когда конфетка во рту», как говаривал Макар Девушкин, чтение становится «усладительным». Но сам Ф. М. Достоевский, был сторонником «реализма без прикрас», способного открыть «человека в человеке», со всей свойственной ему гаммой чувств, противоречий, сомнений, со всеми непредсказуемыми душевными движениями, сложными вибрациями мыслей, необдуманностью поступков. Великий писатель, блестящий публицист, религиозный философ, общественный деятель, литературный критик, редактор славянофильских журналов с предельным реализмом и тончайшим психологизмом раскрывал в своем творчестве самые болезненные «нервные» вопросы современности. Творчество Ф. М. Достоевского было столь же противоречиво, как и его жизнь. Раздвоенность личности героев произведений, которыми в одних обстоятельствах движет сострадание, совесть, благожелательность, а в других недоверие, озлобленность, отчаяние были свойственны и для характера писателя. О сложном характере Достоевского известно немало, да и он сам не скрывал своих слабых сторон. Александр Блок писал, что «наша память хранит с малолетства веселое имя Пушкин», а позднее в зрелые годы «наш ум, совесть начинает тревожить угрюмое имя — Достоевский».

Однако не менее сложными были и характеры тех, с кем при жизни писателя связывали вполне доброжелательные, даже дружеские отношения. Николай Николаевич Страхов, известный литературный критик, публицист, философ был заметным сотрудником журналов «Время» и «Эпоха», которые издавал Федор Михайлович вместе со своим братом Михаилом в 60-ые гг. XIX века. Страхов часто был среди слу-

шателей новых глав романов Достоевского, часто бывал в его семье и всегда при жизни писателя восторженно отзывался о творчестве писателя. После смерти Достоевского, Страхов в 1883 г. написал одну из самых ярких и интересных биографий — воспоминаний о Федоре Михайловиче, высоко оценивая его как гениального писателя и как человека. Современники считали эти мемуары одними из лучших. После смерти Достоевского Страхов по просьбе Анны Григорьевны принял самое непосредственное участие в издании писем и дневников писателя. Именно этот факт через три десятилетия и стал яблоком раздора в литературных кругах и вызвал бурный скандал, отголоски которого дошли и до наших дней.

То, что письма, как и дневники — документы личные, интимные, чаще всего не рассчитанные на знакомство с ними посторонних людей, аксиома. Переписка, адресованная близкому по духу человеку, с которым можно поделиться сокровенным, также как и дневниковые записи, не предназначенные для чужих глаз, могут приобрести непредсказуемую силу и даже совсем иной смысл по истечении времени и с уходом из жизни адресатов. Интересно, что даже побуквенно слово «письмо» при социологическом исследовании вызывает следующие ассоциации: п — проповедь, и — исповедь, с — сердечность, м — миссия, о — откровение. Достоевский, написавший «Бедных людей», как роман в письмах, остро чувствовал силу и подтекст каждого слова. И многие свои записи в тетрадях и дневниках он делал для себя, часто в порыве чувств, не предполагая, что записанное, часто резкое, нелицеприятное и, возможно, даже несправедливое, станет достоянием не только адресата, но и широкой общественности, дав ей пищу для обсуждения на долгие годы.

Об истории одной записи в дневниковой тетради Ф. М. Достоевского, ставшей причиной появления «загадочного» письма Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому и последующих событиях и пойдет речь в этой статье.

В 1913 г. в октябрьском десятом номере журнала «Современный мир» было опубликовано письмо Николая Николаевича Страхова, написанное 28 ноября 1883 г. Льву Николаевичу Толстому. Письмо было посвящено личности Федора Михайловича Достоевского. К моменту публикации никого из троих уже не было в живых. Федор Михайлович умер в 1881 г., Страхов в 1896 г., а Льва Николаевича Толстого не стало в 1910 г. 15 лет письмо лежало в бумагах Толстого при жизни Страхова и 14 лет после его смерти. Публикация письма тридцатилетней давности, обнаруженного при подготовке к изданию наследия Л. Н. Толстого, вызвала невиданный, не утихавший несколько лет общественный резонанс в литературных кругах.

Что же так возмутило родных, близких, друзей и почитателей таланта Достоевского в письме Страхова? Страхов называл свое послание к Толстому исповедью, «маленьким комментарием к БИОГРАФИИ» Слово биография Страхов выделил. В письме Страхов пишет о Достоевском нелицеприятные вещи, полностью противоречащие прежним восторженным отзывам. При жизни Достоевского Страхов, как и большинство современников, считали Федора Михайловича одним из величайших открывателей мира и Человека во всех проявлениях его характера и внутреннего состояния души. Уже первая повесть «Бедные люди» вызвала всеобщий восторг и сделала знаменитым неизвестного автора. Страдания «маленького» человека, из тех, кого Н. В. Гоголь назвал «городской дробью и мелочью», показаны, как социальная трагедия. Недаром о повести еще до публикации в Некрасовском «Петербургском сборнике» заговорило «пол-Петербурга», как писал критик Валериан Майков, сообщая «новость о появлении нового огромного таланта». А в последнем социально-философском, психологическом романе 1880 г. «Братья Карамазовы», который Достоевский считал самой серьезной своей работой, Россия представлена в миниатюре на истории одной семьи. «Карамазовщина» с атмосферой взаимного ожесточения — у Достоевского русский вариант болезни цивилизации, утратившей нравственные

ценности. Велик был общественный резонанс романа «Униженные и оскорбленные». Мыслящего, серьезного читателя не оставила равнодушным и резкая критика системы политических учреждений Западной Европы и буржуазной морали в «Зимних заметках о летних впечатлениях», отрицание «теории и практики ущемления личности» в «Записках из подполья» и в «Записках из мертвого дома». Повышенный интерес к жизни и творчеству писателя вызывал герой романа «Идиот» князь Мышкин, широко известные «Бесы» и «Подросток», и особенно один из самых совершенных романов об «идейном» преступлении «Преступление и наказание. Не менее привлекательны были для читающей публики эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и публицистический «Дневник писателя», который он вел с 1873 г. по 1981 г. Н. Н. Страхов все эти годы был одним из восторженных почитателей творчества Достоевского, о чем страстно, ярко, образно писал в мемуарах — воспоминаниях.

И вдруг такая метаморфоза!!! В своем письме, названном «исповедальным» он пишет Толстому, что Достоевский был «зол, завистлив, развратен», однако считал себя, «как Руссо, лучшим из людей и самым счастливым». Страхов описывает «выходки», «пакости», «животное сладострастие» Достоевского, свидетелем которых он был, и среди которых самая безобидная, когда писатель помывал слугой в Швейцарии, унижая человека. Не будем останавливаться на подробностях, но, обращаясь к творчеству Достоевского, Страхов в письме подчеркивал, что на Достоевского похожи его герои «Записок из подполья», Свидригайлов в «Преступлении и наказании» и Ставрогин в «Бесах». Страхов напоминает Толстому, что Катков не хотел печатать сцену растления ребенка в «Бесах», но «Достоевский читал ее многим». К слову среди тех, кому Достоевский читал отвергнутые фрагменты, был и сам Н. Н. Страхов, не видящий в тот момент в тексте ничего недопустимого. Подводя итог своим писаниям, Страхов резюмирует, что Достоевский «был истинно несчастный и дурной человек», но «пусть эта правда погибнет, будем щеголять одною лицевою стороной жизни, как мы это делаем везде и во всем!»

Неудивительно, что публикация подобного письма, на которое Достоевский не мог ответить, Стасов уже не мог объяснить, как он пришел к решению его написать, а от Льва Николаевича публикация его эпистолярного наследия уже не зависела, так как все трое почтили в мире ином, вызвала общественно-литературный скандал.

Конечно, ни для кого не было секретом, что Ф. М. Достоевский много пережил, страдал эпилепсией, что наложило отпечаток на характер. Правда, теперь потомки писателя и, в частности, правнук писателя Дмитрий Андреевич Достоевский, отрицают болезнь, считая, что у писателя могли быть просто нервические припадки, которые он сам стал называть эпилепсией, так как вообще вольно обращался с медицинской терминологией, наделяя героев, даже некоторые женские персонажи, признаками белой горячки. Кроме того, эпилепсия, по утверждениям Д. А. Достоевского, должна проявиться в каком-то из поколений, чего, к счастью, не произошло в роду Достоевских. Но, тем не менее, не будем забывать через какие испытания прошла психика писателя. Безусловно, участие в работе «Кружка Петрашевского», социалистические взгляды которого Достоевский в те годы активно разделял, пережитый глубочайший стресс при аресте, содержание в Петропавловской крепости, приговор к смертной казни, отмененной прямо на эшафоте указом царя и замененной сибирской ссылкой, 10 лет заключения оставили неизгладимый след в судьбе писателя. Пережитое отразилось на его психическом и физическом здоровье, и привело к изменению убеждений. Известно, что к концу жизни писатель стал личным другом К. П. Победоносцева — апологета царизма, и долгие годы состоял с ним в переписке. Но нельзя также отрицать, что именно эти жизненные невзгоды и были той основой литературного творчества, благодаря которой Достоевский стал общепризнанным мастером психологического романа. На примере Родиона Раскольникова с его идеологией, де-

лящей людей на низших, обычных, и высших, которым все дозволено, писатель раскрыл психологический процесс преступления, убивающий личность духовно, показав какой ценой оплачивается ошибочность убеждений, и что только «бесконечная любовь искупает все страдания».

Но после опубликования письма Страхова, современники, зная о сложностях характера Достоевского, тем не менее, были глубоко возмущены изложенными фактами, и написание письма оставалось для многих долгое время непонятной загадкой. Однако анализ дневников Ф. М. Достоевского дает разгадку столь резкому изменению мнения Страхова о гениальном писателе. Ответ кроется в той глубине психологических отношений, которые в народе определяются формулой: зуб за зуб, око за око.

Итак, Николай Николаевич Страхов, обладавший талантами философа, критика, литератора, был дружен с Достоевским, долгие годы был частым гостем в доме Достоевских, пользовался вниманием писателя и его жены. После смерти мужа Анна Григорьевна обратилась именно к Страхову с просьбой просмотреть архив Достоевского и подготовить материалы для издания собрания сочинений. И Страхов с удовольствием согласился заняться непростой, требующей времени и терпения работой.

И вот здесь и начинается начало той давней истории с письмом. Просматривая записи в тетрадях, оставшихся после Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхов неожиданно натывается на страницы, где человек, которого он считал другом, пишет о нем не только нелюбезно, а грубо, резко, не выбирая выражений. Безусловно, Достоевский делал эти записи в 1877 г. для себя, а не для посторонних и, тем более, не предполагал, что о них узнает Страхов. Достоевский писал, что у Страхова «нет никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости, а, напротив, он и сам делает гадости... несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен... готов продать всех и все...» А что касается его «литературной карьеры, у него не более четырех читателей». И далее в том же роде. Не правда ли, упреки в записях Достоевского напоминают откровения Страхова в письме к Толстому. Можно представить, какие чувства, читая эти страницы, испытывал Страхов, прекрасно понимавший, что уничтожить записи он не решится, а со временем весь архив Достоевского будет опубликован, и мир узнает и эти строки, превращающие его, известного литературного критика, философа, публициста в ничто. Вероятно, тогда начал зреть план отмщения. Но умный Страхов исполнил просьбу Анны Григорьевны и вместе с критиком Орестом Миллером подготовил архивные материалы Достоевского, издав книгу «Биография, письма и заметки из записной книжки», в которую включил и свои собственные восторженные мемуары о писателе, за что ему были признательны и современники, и близкие, и, конечно, вдова Достоевского.

Но литературный критик, оскорбленный дневниковыми записями Достоевского, по горячим следам решил отомстить Достоевскому и опорочить его имя перед потомками. Будучи сам литератором, он осознал, что творчество двух великих писателей Достоевского и Толстого будет интересно читателям и через многие годы, и применил хитроумный выверенный ход. Стасов отправил письмо-«исповедь», прочитав которое «можно ужаснуться, узнав подлинную правду» о личности Достоевского, Толстому. Он был, конечно, уверен, что после смерти яснополянского мудреца, то, что «должно остаться между ними», станет достоянием общности. Но умер Стасов на 14 лет раньше Толстого и публикации своего письма не дождался. Письмо появилось через тридцать лет после написания в эпистолярном наследии Л. Н. Толстого, и его опубликовал журнал «Современный мир», что вызвало скандал и многочисленные обсуждения и в литературных кругах, и в обществе в целом.

Вдова писателя Анна Григорьевна узнала о публикации только летом 1914 года и возмущенная сразу же обратилась к известным российским деятелям культуры, к старым друзьям семьи с просьбой опровергнуть «гнусную клевету». Многие из тех, к

кому обратилась вдова писателя за поддержкой, с искренним негодованием встретила публикацию «исповедального» письма Страхова Толстому, хотя и не скрывали в своих «защитительных» письмах, что Федор Михайлович был человеком тяжело больным, много пережившим, «удрученным житейскими невзгодами» и, как следствие, имел «неуживчивый, раздражительный, подозрительный, придирчивый характер». Началась ожесточенная полемика в защиту доброго имени писателя, в которой сама Анна Григорьевна сыграла роль верной хранительницы семейного очага, ярой защитницы памяти великого писателя. В книге своих «Воспоминаний» она посвятила немало страниц полемике с давно почившим Страховым, доказывая новому поколению читателей, насколько в целом несовершенна человеческая природа, и что «по злобе своей» Страхов приписал «низменные поступки героев произведений» автору, ее мужу, который «всю жизнь оставался чуждым развращенности». Анна Григорьевна стремилась в своих записках убедить читателей, что «большой художник благодаря таланту» способен создать «чрезвычайно реальные изображения низменных поступков», и ему не нужно «самому проделывать преступления». Ее поддерживали в своих протестных письмах хорошо знавшие покойного Федора Михайловича актриса С. В. Аверкиева, академик М. А. Рыкачев, юрист А. А. Штакеншнейдер и другие поклонники таланта Ф. М. Достоевского. Все они приводили многочисленные свидетельства добрых поступков писателя. И действительно таковых фактов было немало. Сам, будучи больным, Достоевский помогал своему больному брату Николаю, пасынку П. А. Исаеву, поддерживал семью умершего брата Михаила, выплачивал до последних своих дней долги по журналу «Время», который они издавали вместе с братом. Оспаривая заявления Страхова, что Достоевский был «зол, завистлив, любил только себя», корреспонденты вспоминали не только знаменитую «Пушкинскую речь», но и хвалебные статьи, написанные им о творчестве Л. Толстого, Н. Некрасова, Балзака, Гюго, Диккенса и других писателей, опровергая обвинения в «развращенности», ссылались на мемуары тех, кто знал Достоевского в молодые годы и оставил о нем добрые воспоминания. Для доказательства отсутствия у писателя «низменных» склонностей, ссылались на напечатанную переписку с семьей, свидетельствующую о заботе и любви Достоевского к жене и детям.

Когда в 1913 г. вышел журнал с письмом Страхова к Толстому, порочащим имя Ф. М. Достоевского, у Достоевских из четверых детей были живы двое — дочь Любовь и сын Федор. Но к этому времени бездетная Любовь Федоровна уже жила за границей, куда уехала как раз в 1913 г. Сыну Федору Федоровичу, третьему ребенку Достоевских, родившемуся 16 июля 1871 г. через неделю после возвращения семьи из-за границы к моменту публикации унижительного письма было уже 42 года (к слову в этом году у него тоже, как и у отца, в честь которого он назван, юбилейная дата — 140 лет со дня рождения). Он получил хорошее образование на юридическом и естественном факультетах Дерптского университета. По воспоминаниям знавших его людей, был самолюбив, достаточно тщеславен, делал попытки проявить себя на литературном поприще, но вовремя понял, что талантами отца не обладает. Федор Федорович, безусловно, был возмущен публикацией письма Страхова, но в силу обстоятельств, вся тяжесть принятия решений по защите доброго имени Достоевского, легла на плечи его вдовы Анны Григорьевны. Федору Федоровичу Достоевскому все почитатели таланта его отца обязаны тем, что в разгар гражданской войны он смог пробраться в Крым, где к этому времени всеми брошенная, изгнанная с собственной дачи в Ялте в гостинице умерла его мать Анна Григорьевна, и смог вывести в Москву архив Достоевского, сохраненный матерью. Федор Федорович прожил всю жизнь в Симферополе. У него было два сына, один из которых умер в 16 лет, а второй Андрей Федорович продолжил род писателя. Внук Достоевского прошел всю войну в танковых войсках и разведке. Он тоже пытался писать. В его архивах сохранились

неопубликованные рассказы. Своей главной целью жизни Андрей Федорович считал открытие музеев Достоевского в Ленинграде и Старой Руссе. Но он этих событий не дождался. Его сын, Дмитрий Андреевич, родившийся в 1945 г., в год великой Победы работал вагоновожатым, а потом увлекся изучением жизни и творчества своего прадеда и стал консультантом в мемориальном музее — квартире Достоевского в бывшем доходном доме в Санкт-Петербурге на углу Кузнечного и Ямской, где жил и умер великий писатель. А вот праправнук Ф. М. Достоевского Алексей Дмитриевич, поработав, как отец, водителем трамвая, поступил на филфак и занимается исследовательской работой по творчеству своего великого прапрадеда, бывает в Сибири в местах, связанных с каторгой и ссылкой Достоевского. Есть еще и прапраправнучка писателя, дочь Алексея Дмитриевича Вера. И это все малочисленные прямые потомки Ф. М. Достоевского, не имеющие никакого отношения к современному литературному бомонду, скромные люди, чтящие память своего гениального предка. Все ветви генеалогического древа рода Достоевских досконально исследованы. И хотя людей носящих фамилию Достоевских немало, но к роду писателя они не имеют никакого отношения. Род Достоевских отметил в 2006 г. свое пятисотлетие. Но самая яркая всемирно известная личность среди представителей рода — Федор Михайлович Достоевский, оставивший миру свои бессмертные произведения.

«Нет греха непростительного», — считал Ф. М. Достоевский. И, вероятно, знай писатель о письме Страхова Толстому, он бы смог простить того, кто сделал немало для издания его дневникового и эпистолярного наследия, этим как бы загладив свою вольную или невольную вину перед великим писателем. Да и Страхов, наверное, простил бы Достоевскому дневниковые резкости в свой адрес, тем более что они не предназначались для печати. Но что произошло, то произошло. А сегодня, мы, современные читатели великого наследия Ф. М. Достоевского должны искать и находить в творчестве писателя те мысли, идеи и идеалы, которые способны сделать нашу жизнь чище, мудрее, добрее. Сегодня, когда откровенные и вызывающие формы принимает кризис гуманизма, когда в условиях глобализации идет циничное отречение от высших духовных, морально-нравственных ценностей, идеи Ф. М. Достоевского о том, что Любовь и Прощение способны преодолеть разобщенность людей, победить равнодушие, озлобление, душевную черствость, зависть, тщеславие, самолюбие, гордыню, звучат как нельзя своевременно. По Достоевскому человек должен стать ответственной личностью, имеющей смысл жизни. Своей «старинной и любимой идеей» Достоевский называл возможность стать «вполне прекрасным человеком», чтобы «соблазны отрицающего рассудка и гордости» не заглушили «живого источника сердца», духовную красоту. Да спасет наш сложный и запутанный мир Любовь, Доброта и умение понимать и прощать.

Борис Кобринский
(г. Москва)

РАЗГОВОР С ДОСТОЕВСКИМ

Борис Аркадьевич Кобринский родился в 1944 г. в Москве. Доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Международной академии информатизации.

В течение ряда лет совмещает научную деятельность с литературной работой. Автор литературоведческого эссе, рассказов, воспоминаний. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Вечером я читал Достоевского и, когда уже лег в постель, продолжал думать о трудном пути России, вспоминал о русских скитальцах, несчастные образы которых рассматривал в своей Пушкинской речи Федор Михайлович. К их литературному ряду у меня присоединились Чаадаев, Лермонтов, Александр Грин, каждый из которых по-своему искал идеал людского счастья. С этими мыслями я и уснул. Перед моим мысленным взором возникали и расплывались лица любимых писателей. В какой-то момент на первый план выдвинулась фигура сидящего в задумчивости Достоевского. Но вот он пошевелился и едва слышно произнес: «Так и не решается бедственная судьба русского народа». Это было то ли утверждение, то ли вопрос. Я почувствовал, что не могу не использовать такой момент и обратился к нему.

Я: Федор Михайлович, какое счастье встретить Вас. Меня всю жизнь мучает желание прояснить свои мысли по поводу некоторых высказываний и намеков в Ваших произведениях. Я беру любой Ваш роман или повесть и везде слышу голоса несчастных и оскорбляемых людей. Вы везде видите униженных и унижающих в нашей стране. Вам это представляется как характерно российское или мировое бедствие? Или Вы выпячиваете это для того, чтобы все почувствовали свою вину перед несчастными и души их отринули зло?

Ф. М.: *Несчастливые люди есть везде, во всех странах. Но у нас они особенно часто унижаются и оскорбляются. С этим нельзя не бороться. И это являлось особенностью идеи русских евангельских социалистов, к которым я относил себя до своего смертного часа, отношу и сейчас. Как я писал, «когда общество перестанет жалеть слабых и угнетенных, оно очерствеет и засохнет». Нужна не борьба против власти, а поступки, указывающие нравственный путь. Из своего далека я продолжаю следить за русской литературой. Скорбь о чужом горе, в написанном Леонидом Андреевым уже после моего ухода из вашего мира «Рассказе о семи повешенных», является примером высокой нравственности. Меня потрясла жертва молодой девушкой последними минутами перед казнью ради поддержки разбойника и душегуба, которого в этот момент пугает близость конца. В этом проявление высшей самоотверженности, христианской любви к ближнему, сострадание к его одиночеству в последние минуты земной жизни.*

Я: Как же происходит в человеке становление духовного?

Ф. М.: *Духовное в человеке не может развиваться без сострадания к ближнему, которое, в свою очередь, есть следствие переживания страдания собственного. Можно быть добрым от рождения, но сострадательность возникает в душе страдающей, иначе не понять и чуждого страдания.*

Мне хотелось задать массу вопросов. И я решил сменить тему.

Я: Славянофильство и западничество не сумели повести Россию ни по одному из проповедуемых ими путей. В своих крайних проявлениях они оказались неприемлемы для России. Каков ее путь? Ведь в любом варианте мы должны стремиться к свободе для каждого человека?

Ф. М.: *Свобода невозможна без нравственности. Поэтому нужно стремиться к воспитанию людей в любви, а не к какой-то высшей форме политического устройства. Достижение свободы для всего народа, свободы понятной бывшим «серым зипунам», к которой они стремились всегда, прося и требуя ее, уверенные в царском понимании их нужд. А форма... Я когда-то записал, году в 1874, «К черту республику, если она деспотизм!»*

Я: Но ведь изъявление воли народной, большинства народа, может принимать стихийно-бунтарский, «бессмысленный и беспощадный» характер уничтожения виноватых и правых, что мы уже видели в истории российской (в этот момент я видел эпизод казни из «Капитанской дочки», сменившийся смертью на гильотине) и мировой?

Ф. М.: *Да, воля чаще носит не демократический, а охлократический характер, но лучшие люди из народа обычно чувствуют, где правда. Нужно уметь слышать их голоса, вовремя отвечать на нравственное беспокойство народа. Хотя... разинщина, пугачевщина, махновщина, большевизм... может быть, действительно бесы всегда завладевали умами людей, стремящихся одним прыжком перетащить Россию в лучшее будущее. Темные антихристовы силы всегда смущали души отдельных людей, а проповеди смущенных, павши в буйные головы, порождали великую смуту.*

Я: Февральская революция сопровождалась обещанием решения земельного вопроса, а обернулась вооруженным гражданским противостоянием... (я не успел закончить фразу, как Достоевский заговорил).

Ф. М.: *Да, но это произошло после разгона Учредительного собрания, куда люди земли делегировали в качестве своих представительных депутатов члены партии правых социалистов-революционеров, партии Чернова, которую называли в России крестьянской. Все могло быть по-другому, успей крестьяне получить землю. Большевики остались бы с горсткой наименее грамотных рабочих.*

Моя мысль продолжала вращаться вокруг нашей кровавой революционной истории. И я задал следующий вопрос.

Я: Преступить через кровь ради страсти могут единицы. Им можно ответить на это: «Смирись гордый человек». Можно пытаться остановить преступление ради денег, обращаясь к голосу совести. Но бывает нечеловеческая гордыня, уверенность во вседозволенности во имя идеи. Это было не раз в истории человечества. Что можно поставить в качестве заслона якобинцам, Нечаевым, Верховенским, метальщикам-народовольцам, эсерам-террористам, большевикам, стремившимся к разрушению всего мира, о чем пелось в известной песни, Сталину и его последователям Мао-Цзэдуну, Пол Поту, которые довели идею массового террора до геноцида собственных народов?

Ф. М.: *Я могу повторить свои слова, что «гражданские идеалы всегда и органически связаны с идеалами нравственными». Только нравственная ответственность человека через воспитание — иначе новый мир не построить, и мы будем возвращаться на круги своя и сталкиваться вновь с людьми, которых я называл «недоделанными». Мудрый Герцен, много лет словом боровшийся с негативными явлениями российского самодержавия, говорил, что без внутренних духовных усилий исторический прогресс сомнителен. И я когда-то отвечал господину Градовскому на его кри-*

тику, что величие нравственной мысли заключается в стремлении людей к лучшему будущему. Без нравственности нельзя достичь всечеловечески-братского единения ни внутри страны, ни с другими народами. Нравственный выбор, духовная революция — вот что могло способствовать преодолению страшной российской беды, социального утопизма.

После короткого молчания, Достоевский продолжил:

Этическое воспитание есть формирование морали, понимания начал Добра и Зла. Это путь от индивидуальной нравственности к общественной, к поиску всеобщего счастья. А в русском народе иногда с особенной силой проявляется жертвенная сила братства, всемирной отзывчивости.

Я: Слова художника должны служить идее преображения мира. Значит ли это, что писатели должны следовать политическим веяниям момента?

Ф. М.: *Верховный смысл творческой свободы заключается в честном изложении своих мыслей о жизни, а не в построении искусственных художественно оформленных, как теперь у вас говорят, социологических, теорий. А преображение мира — это внутренний, а не внешний процесс, лишь изменяющий оболочку нашей жизни.*

У меня возникло ощущение, что я слушаю продолжение «Дневника писателя».

Я: Уже столько лет люди гадают по поводу Ваших слов о роли красоты в спасении мира? Мне слышится в этих словах, что красота именно душ человеческих спасет мир. Так ли это?

Ф. М.: *Несомненно, мир красотой спасется. Я в этом по-прежнему уверен. Красота в искусстве способствует росту духовного в человеке. Нельзя, как Базаров и подобные ему нигилисты, отрицать красоту рафаэлевских картин, поэзию великого Пушкина. Это губительно для мира. Прекрасные души лучших людей должны спасти мир от скверны и привести человечество в мир свободы личности и добросердечных отношений. Это должно быть всепрощающее, христоподобное добро. И преображению душ должны служить люди искусства, демонстрирующие красоту внешнюю в сочетании с красотой внутренней. Настоящая одухотворенная красота лиц человеческих не может не воздействовать на душу человека, не может не всколыхнуть все чистое, светлое в ней. Свет этот и есть залог спасения мира.*

Я: А слезинка ребенка? Сколько раз плакали дети, кровавыми слезами плакали, с тех пор как Вы произнесли эти слова! Что же, мир не услышал Вас или не захотел услышать? Или Вы ошиблись в людях? Может быть, человечество живет по другим законам?

Ф. М.: *Слезинка любого человека, а особенно ребенка — это проявление его несчастья. А на несчастье ничего нельзя построить. Любое здание рухнет. Где плохо детям, там не будет счастья. Этого многие все еще не понимают, а потом удивляются своим несчастьям и не могут понять где их корни. Но рушится и личное счастье, рушатся и империи. Такова логика этой связи, провидеть которую дано немногим. Но я верю в будущее человечества без детских слез.*

Я: В чем проблема России, трудности ее движения вперед?

Ф. М.: *Я уже говорил и могу повторить: спокойствия в умах нет, и это во всех слоях, спокойствия в убеждениях наших, во взглядах наших. Не умеем слушать и слышать друг друга. Терпения не хватает для последовательного движения вперед. Стремимся получить все и сразу.*

Я: Ваши романы отличаются запутанными детективными сюжетами. Ведь это не случайно?

Ф. М.: *Такое построение произведений заставляет героев в экстремальной ситуации как будто невольно открывать потаенные уголки своей души. Вспомните как Подросток во взвинченном состоянии, характерном для него в продолжении большей части романа, выдает свои скрытые чувства любви к близким ему людям.*

Но роман не должен превращаться в безмысленный детектив. Тогда он приносит зло, а не пользу. Многие об этом забывают.

Я: Осуждение или самоосуждение злых мыслей и противостояние мировому злу являются для Вас понятиями одного порядка?

Ф. М.: *Борьба с собственными злыми, как Вы говорите мыслями или, точнее, с мыслями, несущими в себе зло для окружающих, это и есть борьба с мировым злом. Стремитесь к изгнанию зла и зависти из своих душ, тогда мир станет добрее.*

Я: Но есть еще и понятия свободы личной и свободы для всех, хотя последняя должна предполагать и определенные ограничения.

Ф. М.: *Я отвечу словами из своей Речи на открытии памятника Пушкину: «Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен».*

Я: А какова роль идеи, овладевающей человеком? Идеи, которая захватывает человека целиком и не позволяет ему думать ни о чем другом?

На лицо Федора Михайловича как будто легла тень. Помолчав, он заговорил: *Сильные идеи бывают опасны. Подчиняясь им, человек может забывать о нуждах каждого отдельного человека, а только сумма их каждодневных потребностей определяет счастье или несчастье народа. В погоне за «золотым веком» можно нанести величайший вред человеку.*

Мой великий собеседник прикрыл глаза. Выражение его лица было печальным.

Внезапно я услышал длинный гудок, напоминавший звук трубы. Но я никак не мог вырваться из цепких лап сна, продолжая видеть сидящего передо мной Федора Михайловича, образ которого постепенно расплывался, бледнел.

Неожиданно память сделала скачок, и я вспомнил, как в Александро-Невской лавре долго стоял у могилы Федора Михайловича Достоевского. Одновременно в моих ушах как бы звучал глас небесной трубы.

Владимир Захаров
(г. Москва)

«НАС, ЧТО НИ ГОВОРИ, ЕЩЕ ОЧЕНЬ МАЛО»
(Неизвестное письмо Достоевского)

Доктор филологических наук, профессор, вице-президент Международного общества Достоевского. Материал перепечатан из «Литературной газеты» № 24 (6228) от 10—16.06.2009, с. 15 с разрешения редакции «ЛГ».

Архивы Ф. М. Достоевского хранят немало неразгаданных тайн.

В годы Гражданской войны пропала часть рукописей Достоевского, в том числе рукопись романа «Братья Карамазовы» — самое ценное, а по существу, бесценное в утраченном наследии гения. В архивных фондах есть конверты, но нет самих писем. Не сохранилась переписка писателя со многими корреспондентами. То, что случайно обнаруживается, дает возможность восстановить пропущенные имена, установить связь между событиями, внести исправления в опубликованные тексты — и ставит новые проблемы.

* * *

◆ В процессе подготовки нового Полного собрания сочинений Достоевского в авторской орфографии и пунктуации («Канонические тексты»), которое я с 1995 года издаю в Петрозаводском университете, мы снова обследуем архивы — российские и зарубежные. Есть результаты: находят новые и «потерянные» тексты и документы, обоснована принадлежность Достоевскому ряда анонимных статей в журналах «Время» и «Гражданин». Неопубликованные автографы Достоевского находятся в частных руках, иногда всплывают на аукционах Christie и Sothby. Свои сюрпризы преподносят отечественные архивы и библиотеки.

Так случилось, что в архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) не заглядывали исследователи Достоевского. Если бы заглянули, давно обнаружили бы и опубликовали это письмо. На его существование обратил мое внимание И. Виноградов — исследователь, который до сих пор находит автографы Гоголя.

И действительно, в АВПРИ хранятся копии двух писем Достоевского, выполненные еще в дореволюционные времена (конец XIX — начало XX в.) на пишущей машинке «Ремингтон». Одна копия снята с газетной публикации известного письма писателя студентам Московского университета от 18/30 апреля 1878 г., другая — с неизвестного автографа.

Неопубликованное письмо от 14/26 марта 1877 г. адресовано Семену Николаевичу Цвету. Его имя отсутствует в обширных именных указателях к произведениям и письмам Достоевского, к справочно-энциклопедическим словарям, к мемуарам о писателе и его современниках. В «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» (1956) эта фамилия не опознается как имя собственное, а принимается за нарицательное существительное, за физическое явление. В ошибочном прочтении это выглядит почти

анекдотически: «Конверт от письма неустановленного лица. На лицевой стороне конверта запись Достоевского: «О флоте и цвете»» (стр. 293). Вариант описания (правильное прочтение текста): «О флоте Цвет» (Полностью). Запись на конверте письма к Достоевскому от неустановленного лица. Почтовый штемпель: 21 марта 1877 г.» (стр. 522; здесь и далее все даты в цитатах даны по старому стилю — юлианскому календарю). Это и другие письма Цвета исчезли. Конверт от пропавшего письма и статья Цвета о русском флоте сохранились в архиве Пушкинского Дома.

В свое время С. Н. Цвет (1829—1900) был крупным чиновником, служил в Министерстве финансов: был председателем Казенной палаты в Гродно, потом в Таврической губернии. Государственная служба в российской провинции не мешала ему вести активную общественную и гражданскую деятельность: он писал статьи на политические и литературные темы, написал брошюру «К истории русского нигилизма» — о романе Тургенева «Отцы и дети», состоял в переписке с писателями и журналистами. В современных справочниках местом его смерти и захоронения значится Чернигов, но в «Некрополе Крымского полуострова», изданном В. И. Чернопятовым в 1909 году, имеется описание его могилы на Иоанно-Златоустовском кладбище в Ялте: «Действительный статский советник Семен Николаевич Цвет; скончался 28 августа 1900 г.».

Это еще одно достойное, но забытое имя в русской истории.

В наше время С. Н. Цвета вспоминают лишь в связи с его сыном, выдающимся русским физиологом и ботаником Михаилом Семеновичем Цветом, родившимся 14 мая 1872 г. в Асти (Италия), умершим от голода и болезней в годы Гражданской войны 26 июня 1919 г. в Воронеже. В 1901 г. на XI съезде естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге он впервые объявил об открытии хроматографического метода, который предопределил многие успехи в науке и технике XX века. Название методу дал сам Цвет, и в его именовании красноречиво совпали значение фамилии ученого и принцип метода: хромато (цвето) + графия = хроматография.

В 1918 г. М. С. Цвет был номинирован на Нобелевскую премию, но тщетно — тогда премию получил не он, а разработчик химического оружия Ф. Габер за синтез аммиака из атмосферного азота и водорода. К слову сказать, именно Габер изобрел и смертельный газ «Циклон Б», применявшийся нацистами в годы Второй мировой войны.

Как известно, посмертно Нобелевские премии не дают, но признанием открытия М. С. Цвета стало то, что двадцать лет спустя после его номинации за научные достижения, связанные с использованием хроматографического метода, премию получила уже целая плеяда ученых: П. Каррер (1937), Р. Кун (1938), Л. Ружичка и А. Бутенандт (1939), а позже — многие другие. Сегодня хроматографический анализ — повседневная практика в науке и технике.

Отец воспитал замечательного сына.

В начале 1877 года председатель Казенной палаты из Гродно С. Н. Цвет отправил Достоевскому письмо, в котором рассказал автору «Дневника писателя» о своей переписке с известным английским политиком, лидером либеральной партии (виги), экс-премьером В. Гладстоном (Gladstone, William Ewart; 29.12.1809—19.05.1898).

Подобная переписка — обычное дело в те годы: частные и публичные письма иностранным политикам писали граждане, печатали редакторы и журналисты.

В письме от 28 декабря 1876 г. Семен Николаевич рассказал Гладстону, автору памфлета «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» (1876), о настроениях русского общества в деле освобождения славян, изложил свое понимание событий, предшествовавших Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., указал на возможные выгоды и ущерб Англии от ее роли в Восточном вопросе. В ответном письме от 6 января 1877 г. Гладстон согласился с суждениями Цвета, выразил готовность и далее пользоваться его советами.

Достоевский был обрадован перепиской русского чиновника и английского политика. Вот ответное письмо Достоевского.

14 Марта 1877 г.

Петербург

Милостивый Государь

Семен Николаевич.

Крайне обяжете меня, если извините за промедление в ответе. Весь Февраль я хворал усилившимися припадками моей падучей болезни. Затем выпускал мой запоздавший Февральский № «Дневника». А после того, т.е. после 6-го Марта, накопилось столько хлопот по рассылке № и по другим делам, что только теперь нахожу минуту поблагодарить Вас за Ваше прекрасное и лестное обо мне мнение и, главное, за сообщение Вашего замечательного письма к Гладстону. Мыслям, выраженным в нем, я в высшей степени сочувствую. Невольно считаешь последователей наших «русских», т.е. всечеловеческих в высшем (а не узком) смысле идей, и радуешься, что находишь еще одного (да еще такой силы, как Вы), потому что нас, что ни говори, еще очень мало. Общечеловеки и самооплевники торжествуют, копеечники и наживатели тоже, а молодежь или развращена (в большинстве) до такой степени, которой не было, может быть, и в Содоме, или объята порывом великодушия и в этом порыве идет бить и убивать свою мать Россию — до того сильны улично-социальные идейки, брошенные в нашу землю еще 30 лет и давшие такие ужасные всходы.

Если б Вы разрешили, я бы Ваше письмо к Гладстону передал бы в Редакцию Гражданина, чтоб напечатать с ответом Гладстона. А то могли бы сами послать в Московские Ведомости. Теперь еще не поздно, и даже интерес снова подновляется, судя по текущим в Европе событиям. Я с величайшим удовольствием приму и всякое из Ваших сообщений.

Примите уверение в моем глубочайшем уважении и сочувствии.

Ваш слуга

Ф. Достоевский

◆ Письмо подлинное. Оно соответствует таким деталям жизни писателя, которые не были известны сто лет назад, выражает идеи Достоевского и вписывается в контекст его творческой биографии.

Кто, кроме Достоевского, различал *всечеловека* и *общечеловека*?

Это его слова, его стиль, его тезаурус. Только он выстраивал эту иерархию общечеловеческих и всечеловеческих ценностей.

Высоко ценя общечеловеческие интересы и устремления, Достоевский был критичен по отношению к тем, кого он называл «общечеловеками». Это особый тип русского человека, появившийся в результате реформ Петра I. В отличие от англичан, немцев, французов, которые прежде всего национальны, русский «общечеловек» стремится быть кем угодно, только не русским. Он презирает народ — и, как правило, ненавидит Россию.

Быть «общечеловеком» — быть отвлеченным европейцем без корней и без почвы.

Единственный положительный контекст употребления слова подтверждает его отрицательное значение. В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский рассказал о похоронах в Минске врача Гинденбурга: «Кстати, почему я назвал старичка доктора «общечеловеком»? Это был не общечеловек, а скорее общий человек». Этот праведник лечил и помогал бедным: евреям, русским, белорусам, полякам — всем.

Призвание русских заключено в другой идее: «русский идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность» (1861). В этом состоит «величайшее из величайших

назначений» русского человека: «У нас — русских, две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами,— (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно. Величайшее из величайших назначений, уже сознанных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству,— не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству» (1876).

Наиболее отчетливо эта идея сформулирована Достоевским в Пушкинской речи, произнесенной 8 июня 1880 г.: «Стать настоящим русским, стать

вполне русским может быть и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком* если хотите».

Что значит эта мысль, Достоевский дал подробное разъяснение: «стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов может гармонии, оратского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

В отрицании народности, в надежде на то, что «все сливается в одну форму, в один общий тип», Достоевский видел «западничество в самом крайнем своем развитии и без малейших уступок». Христианство дает иной урок: «новую, неслыханную дотолде национальность — всебратскую, всечеловеческую, в форме общей вселенской Церкви».

Быть русским — стать всечеловеком, христианином.

Об этом, собственно, и писал Достоевский украинцу Цвету, включая его в число русских: «Невольно считаешь последователей наших «русских», т.е. всечеловеческих в высшем (а не узком) смысле идей, и радуешься, что находишь еще одного (да еще такой силы, как Вы), потому что нас, что ни говори, еще очень мало».

◆ Обращает внимание еще один неологизм в письме — «самооплевники». Достоевский лишь один раз печатно употребил это слово полтора месяца спустя в апрельском выпуске «Дневника писателя»: «о пускай смеются над этими «фантастическими» словами наши теперешние «общечеловеки» и самооплевники наши, но мы не

виноваты если верим тому, то есть идем рука в руку вместе с народом нашим, который именно верит тому».

Какие «слова» Достоевский назвал «фантастическими»?

Сказаны они по поводу объявления 12/24 апреля 1877 г. Царским манифестом войны Турции. Достоевский был убежден, что у России особая роль в Европе: «Россия предназначена и создана, может быть, для их же спасения и что она только, может быть, произнесет наконец это слово, спасения!» Защищая угнетенных, Россия подает Европе пример: «В самом деле, если Россия, столь бескорыстно и правдиво ополчившаяся теперь на спасение и на возрождение угнетенных племен, впоследствии и усилится ими же, то, все же, и в этом даже случае, явит собою самый исключительный пример, которого уж никак не ожидает Европа, меряющая на свой аршин». Освобождая славян, «мы не только ничего не захватим у них и не только ничего не отнимем, но именно тем самым обстоятельством, что чрезмерно усилимся (союзом любви и братства, а не захватом и насилием) — тем самым и получим, наконец, возможность не обнажать меча, а напротив, в спокойствии силы своей, явить собою пример уже искреннего мира, международного всеединения и бескорыстия. Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельнейшем развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, участь у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю».

Война за освобождение славян еще не началась, но Достоевский знал, как она закончится. Россия проиграет, если даже победит. Достоевский предположил худшее: никогда у России не было и не будет «таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными». Они не признают бескорыстия России, не признают «эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их», «будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее». Лишь немногие поймут «все величие и всю святость дела России и великой идеи, знамя которой поставит она в человечестве». По мнению Достоевского, именно так чаще всего бывает: «*такие вещи* на свете иначе и происходить не могут». Не нужно ждать благодарности. Выгода России пойти на явную невыгоду и очевидную жертву ради справедливости, ради «всеслужения человечеству».

Логика Достоевского самобытна: «начав с абсурда, и стану понятнее». Она повторяется и в развитии известной формулы, которую так любят обсуждать пристрастные критики Достоевского: «Константинополь должен быть наш». В ней видят имперские притязания писателя. Достоевский же хотя и объявил, что Константинополь должен быть наш, но считал, что его не нужно завоевывать. Хорошо было бы, если бы он был наш, но завоевание Константинополя для себя — гибель России; лучше завоевать не для себя, а как столицу Православия (вариант другого политического сценария: столицу Всеславянства).

Письмо Цвету выражает сокровенные идеи Достоевского. Никто другой их не высказывал. Никому другому они и в голову не приходили.

Письма Цвета, Гладстона, Достоевского написаны в убеждении, что возможна мораль в политике, политика может выражать нравственные идеи. Этот принцип роднит Достоевского и Цвета, Цвета и Гладстона. Достоевский солидарен с Цветом. О том же Гладстон писал Цвету. Лидер вигов, недавно потерпевший поражение от

тори и их лидера лорда Биконсфильда (Дизраэли), Гладстон через несколько лет с триумфом возвратился к власти. Не последнюю роль в этом возвращении сыграла его позиция в деле освобождения болгар.

Вопреки предложению Достоевского переписка Цвета и Гладстона не была опубликована. В «Гражданине» ее нет. Чтобы подготовить публикацию, нужно было время: необходимо было получить разрешение от автора, согласовать перевод его письма на русский язык, дать обратный перевод письма Цвета с английского на русский язык. Времени не было: через несколько недель Александр II объявил войну Турции. В этой ситуации частная переписка потеряла значение: на первый план вышли новости публичной политики, события из театра военных действий.

Переписка Цвета и Гладстона осталась фактом частной жизни, чтобы в конце концов обрести вечность.

◆ Сейчас уже невозможно установить, как переписка Достоевского и Цвета, Цвета и Гладстона попала в «Коллекцию документальных материалов на отдельных писателей и видных общественных деятелей» архива Внешней политики Российской империи МИД РФ (Оп. 926. Ед. хр. 32). Фонд образован из россыпи документов. Кто-то в дореволюционном МИДе считал идеи Достоевского руководством в политике, снял копии с автографов Достоевского, Цвета и Гладстона, перепечатал письмо студента Московского университета от 18/30 апреля 1878 г.

Оба письма развивают одни идеи. Во втором письме Достоевский обращается к московским студентам. По его мнению, современная молодежь — «подлинно великая надежда России». Она чиста, честна, искренна, жаждет «истины и правды», готова «пожертвовать всем, даже жизнью, за правду и за слово правды». Беда в том, что «наш студент уходит не к народу, а куда-то за границу, в «европеизм», в отвлеченное царство небывалого никогда общечеловека, и таким образом разрывает и с народом, презирая его и не узнавая его, как истинный сын того общества, от которого тоже оторвался». Достоевский осуждает «проповедь револьверов», предупреждает: «вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной». Писатель убежден: «в народе все наше спасение». Студенты «идут в народ не учиться народу, а учить его, свысока учить, с презрением к нему, «чтобы сделать ему добро», и презирают все его обычаи и его основы. Презрение не ведет к любви!» Совет Достоевского: «Разрыв с средой должен быть гораздо сильнее, чем, например, разрыв по социалистическому учению будущего общества с теперешним. Сильнее, ибо, чтобы пойти к народу и остаться с ним, надо прежде всего *разучиться презирать его*, а это почти невозможно нашему верхнему слою общества в отношении его с народом. Во-вторых, надо, например, уверовать и в Бога, а это уж окончательно для нашего европеизма невозможно (хотя в Европе и верят в Бога)».

Советы Достоевского на удивление просты и пока неисполнимы в нашей истории: разучиться презирать народ и уверовать в Бога.

Кому-то в дореволюционном МИДе понадобились уроки Достоевского. Кто-то надеялся, что его идеи отвратят назревавшую «проповедь револьверов». Так сохранилось еще одно имя незаурядного человека, из которых состояла Россия Достоевского, невымышленная страна подлинных людей, среди которых образовывался идеальный тип русского человека — *всечеловек*, как дал ему имя автор и творец.

Алексей Третьяков
(г. Тула)

ВТОРИЧНАЯ ИДЕЯ КАК МЕТОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ. РОЛЬ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО — «ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Зигмунд Фрейд в своей работе о Достоевском замечает, что *«Братья Карамазовы» — величайший роман из всех, когда-либо написанных, а «Легенда о Великом Инквизиторе» — одно из высочайших достижений мировой литературы, переоценить которое невозможно».*

Отзыв выдающегося психолога побуждает внимательно проанализировать главу пятую второй части романа — «Великий Инквизитор» — и проанализировать в ракурсе основного интереса Фрейда: роли бессознательного в человеческом поведении и деятельности. Так возникает гипотеза о вторичной идее, как методе художественного познания, доминантой которого являются установки бессознательного (БСЗ).

Что есть понятие вторичной идеи? — Это не диковинка, не отыскание, не придумывание малосущественного нюанса художественного творчества, это явление хорошо знакомое всякому читающему, воспринимающему тексты равно и наивно, и контекстуально.

Древнейшие библейские книги Торы рассказали о полной падений и взлетов, несчастий и земных радостей судьбе Иосифа из времен египетского пленения Израиля. История Иосифа стала в европейской и европоцентристской культуре символом, идеей судьбы еврейского народа, обреченного на тысячелетнее повторение переменчивой судьбы Потифарова раба. А Томас Манн, воспользовавшись легендой об Иосифе, препарировал эту первоначальную идею, дав ей в «Иосифе и его братьях» вторичное истолкование: жизнь человека в ее целостности, как противоборство воли к жизни и стихийности ее фатума.

Джон Мильтон в «Потерянном рае» библейскую идею неотвратимости наказания за попытку бунта против единого бога, единовластителя, препарировал как идею богоборства, искупления трудом и любовью всякого греха человеческого — игрушки в руках слепой судьбы.

Речь идет не о вторичном использовании сюжета, о чем говорилось в разделах, посвященных рассмотрению мифов, хотя здесь она налицо. Речь идет именно о вторичности идеи. Это намного сложнее, чем повторное использование сюжета, ибо если последнее есть просто рабочий инструмент художественного мышления, то вторичность идеи суть трансформация идеи первоначальной, как правило, дающая более универсальное решение художественно-философской задачи, создаваемая субъектом мышления по законам, не всегда (зачастую — почти всегда) явно осознаваемым самим творцом.

...И довольно трудно нащупать подход к раскрытию закономерностей оформления вторичной идеи.

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола. И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель, и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Второз. 8, 3). «Потом берет Его диавол в

святой город, и ставляет Его на крыле храма, И говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: «Ангелам Своим заповедал о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Псал. 90, 11—12). «Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего» (Второз. 8, 16). «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падиши, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Второз. 6, 13). «Тогда оставляет его диавол; и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Матф., 4, 1—11).

Одно из центральных, выразительнейших по силе логики, мест христианских Евангелий; постулат самосмирения, свободы духа и апостольского аскетизма. От него пришли к нам через две тысячи лет христианского примата закон и этика, все мышление современного человека: вера в силу духа, горение души, их конечная и личная победа над плотью, духовного над мирским, обыденным, идеализм веры в будущее, раскрепощение личности, самозабвенный патриотизм, смирение гордыни, равенство перед инстанциями императивных категорий бытия, скромность души и потребностей тела, бескорыстие, любовь к ближнему и человечеству и пр.

Два источника лежали в основе выработки канонов христианства и воплотившихся в диалоге духа-искусителя пустыни и Христа: монотеистическая идея иудаизма, где вся мораль, этика и законы растворяются в едином корне: боге духа, исходя от него же, идея, полно выражаемая словами: *«Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе... Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа»* (Посл. к галатам апостола Павла, 3, 28-4, 7).*

Другим же источником явился исторический процесс финала рабовладельческой формации позднего античного мира, по духу движущих сил совпавшим с европейским распространением морали иудаистского монотеизма.

...И еще одно предварение: человечеству свойственно поверять современную ему реальность, отстраняя себя мысленно в философских или художественных фантазиях, на определенную историческую дистанцию: в будущее либо в прошлое, либо используя иное их сочетание; вариантов масса, это хорошо известно: Этьен Кабэ в «Икарии» оставил героя в его времени, но перенес саму Икарию из будущего в то же самое время; Фрэнсис Бэкон сопоставил две параллельно разворачивающиеся, но изолированные цивилизации («Новая Атлантида»), Мерсье и В. Ф. Одоевский перенесли героев, соответственно, в третье («2440-ой год») и в пятое («4448-ой год. Петербургские письма») тысячелетия. Известно, что сделали Томас Мор, Кампанелла... Михаил Булгаков перенес Ивана Грозного в период НЭПа, а Уэллс в «Машине времени» дал картину динамичного процесса перенесения, а устремив его по времени в бесконечность, доказал ту простую истину, что, удаляясь в прошлое ли, в будущее, обнаружим, что они в конце концов смыкаются. Прекрасный образец художественного обоснования замкнутости пространственно-временной эволюции мироздания.

«...В великолепных аутодафе

Сжигали злых еретиков» («Братья Карамазовы»).

Достоевский производит сложную трансформацию первичной идеи европейской цивилизации: от испытания Христа духом пустыни, Сатаной,— помещая объект испытания в XVI-й век, век преломления христианских догматов, когда к христианским заповедям и именем Христа, но уже от Сатаны, присовокупляются, а на деле полностью переворачивают их, новые идеалы, которые с тех-то пор, полярно заповедям первоначального христианства, составляют существенную часть современного бытия человечества.

* Все цитаты из Нового Завета.

Тайну из тайн открывает Великий инквизитор Христу, явившемуся народу в Севилье и схваченному святой инквизицией: уже давно, много веков тому назад апостольская римско-католическая церковь отпала от бога и стала земным учреждением Сатаны.

Христос вновь посещает землю, внимая полуторатысячелетнему ожиданию человечества. Что вынуждает его прийти к людям не в виде предсказанного пророками Ветхого завета мессии, время которого еще далеко, но в прежней своей ипостаси: укрепить дух веры и, возможно, еще раз принять на себя накопившиеся грехи людей? Иван Карамазов полагает причину в усилившихся кознях Сатаны, в помощь которому вступила и Лютерова ересь, и усталость ожидания, жажда чуда человечества.

Иисус вправе был ожидать легкого закрепления своей, той давней победы над духом сомнения: посеянные им зерна в землю добрую умерли, но дали много плодов (Иоан. 12, 24 — эпиграф к «Карамазовым»), любимейшие евангельские стихи Достоевского и Толстого): мировую по значимости и распространению христианскую религию. Именно поэтому он начинает со стереотипа: повторяет над семилетней девочкой «талифа куми» и повторяет чудо воскрешения Лазаря. Но это остается его единственным подвигом; более могучая сила, чем прокуратор Понтий Пилат, книжники, фарисеи и иудейские первосвященники, противостоят сыну божьему: ему противостоят его наследники духа на земле: церковь, созданная его идеологом-апостолом Петром, и ее святая инквизиция. Первое и последнее чудо вновь вочеловечившегося Христа наблюдает Великий инквизитор и «...он все видел, он *видел как поставили гроб у ног его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурил седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловецким огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается перед стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на него руки и уводят его. Толпа моментально, все как один человек, склоняется головами до земли пред старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо» («Братья Карамазовы»).*

Сдержанная экспрессия этих слов Достоевского в сочетании с глубокой идеей всепокорности массы, толпы кажутся той канвой, на которой впоследствии были построены притчи Франца Кафки, и наиболее последовательной — притчи о чужаке, захватившем власть над кораблем.

И повторяется сцена суда Христа, но совсем в иной ипостаси, уже не Пилат вопрошает его: что есть истина? Но его сурово не судит, осуждает 90-летний аскетичный монах и уже близко-близко, к утру время, когда второй раз сбудется для сына Божия то страшная минута, когда *«подняли вверх и третий крест, несколько непохожий на другие, с большой доской, на которой виднелась надпись: «Царь Иудейский!»* (Г. Данилевский «Мария Магдалина»). То страшное *qui pro quo*, недоразумение, о котором просит брата Алеша Карамазов; глубокая религиозность его сопротивляется адогматичности мышления Ивана.

А вот дальше начинается собственно вторичная идея Достоевского: словами Великого инквизитора он трактует, раскрывает, буквально разжевывает — что в его характерной манере — то, что ум его прочитал между строк; для ума тонкого, пытливого, склонного к развитию темы до бесконечности выводов и обобщений зашифрованных Евангелий. Что же принципиально нового, даже диаметрально противоположного — а это именно и сделало «Легенду» исключительным явлением мировой художественно-философской мысли — сказал Достоевский в толковании образа Христа? Что Сын Божий, вообще говоря, своим вочеловечением принес людям только беспокойство, что он лишний в среде людей? Но это ясно и из Евангелий; ведь в Иудее его осудили не только суд первосвященников, суд религиозный, но и суд на-

рода: ведь это народ, учимый и любимый Христом, кричал: распять, распять его, а разбойника помиловал. И только Пилат, человек посторонний, чужеродный и рациональный разумом римлянин, видел нелепость приговора над Христом, но именно этот рационализм, соблюдение иерархии начальников земных, а не небесных, и позволил запугать его хитроумному синедриону.

И точно так же в Севилье народ рукоплескал бы на «великолепном аутодафе» сожженного Спасителя. В том-то и грустная истина, что провозвестники духа всегда лишние, ибо о них сказано как о зерне, павшем в землю и погибшем, но давшем много плода. В этом смысл искупления грехов многих личным страданием.

Это все истины настолько известные, что ни о какой вторичности идеи у Достоевского речь бы не шла, коль скоро речь Великого инквизитора осталась бы повторением сказанного уже Христу 15 веков назад Пилатом и Анной.

Великим открытием Достоевским истинного содержания Евангелий* была идея о врожденном в человеке примате телесного над духовным, символами которых являются предпочтение хлеба перед свободой, жажда чуда перед верой в личного духовного бога, стремление идти в стаде, лишь бы не знать мук выбора. Не зря католические средневековые теологи именно в свободе выбора полагали гибель христианского начала в человеке. Не следует забывать, что этому учила «сатанинская» — по Достоевскому — апостольская римско-католическая церковь.

Именно это откровение Достоевского, слившись с религиозной и пессимистической установкой философии Кьеркегора, создали основу новейшего экзистенциализма: от Льва Шестова и ранней франкфуртской школы до Камю, Сартра, Хайдеггера.

Кардинал, Великий инквизитор, сам есть земное повторение Христа; как и последний, он был искушаем страшным духом пустыни, он был аскетом, как и сын Божий, но он понял ту истину, которую Христос постичь не мог, ибо он только послание целенаправленного Духа, возвеститель истины, оставшейся для людей чуждой абстракцией. А Великий инквизитор был человеком по плоти и познал устремления человека. Он познал, что Сатана был побежден Богом в духе, но оказался победителем в теле, низвергнут падшим ангелом в преисподнюю, а преисподней оказалось телесное в человеке. Итак, не дано духу оторваться от плоти и воспарить над нею — вот существо человека.

Каждый из собеседников понимает и читает мысли другого дословно. Им неинтересно и совсем не нужно что-либо говорить, если только... для читателя, а потому Христос, уже все сказавший тысячелетия тому назад, может уступить место высказываниям последователю его по словам, но последователю Сатаны по духу. И оба они понимают, что второе пришествие Христа абсолютно излишне, это все равно, как войти в храм Сатаны, это почти неприлично, почти назойливость. Молчание Христа есть и согласие со всеми словами инквизитора.

Как изменилось положение Христа с евангельских времен? Торжествующий дух правоты и предчувствия искупляющего жертвоприношения сменился на дух сознания своей ненужности. Христос, уже не нужный людям, становится тенью и, если бы он сказал хоть слово в разговоре с Великим инквизитором, то вместо царственного, божьего, торжествующего: «Ты сказал!» — в севильской тюрьме прозвучало бы: «Да, ты так сказал».

«— А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова?— Да так и должно быть во всех даже случаях,— опять засмеялся Иван,— Сам старик замеча-

* Здесь используется прием ретроспекции; разумеется, апостолам, писавшим канонические Евангелия, или тем авторам, которыми гиперкритика замещает апостолов, мировоззрение Достоевского было бы чуждым да и не под силу, однако откровением вторичной идеи называем именно органический и единственно верный вывод из никогда еще не сказанного, но требующего полной договоренности...

ет ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано» («Братья Карамазовы»).

Христос не может ничего прибавить к ранее сказанному, ибо изменить что-либо в духе христианского учения будет чудом, а чудеса были отвергнуты им самим, ибо они отвергают свободу веры — камень, на котором он построил все здание христианства. Так говорил инквизитор. А свобода? Она осталась иллюзией, ибо свобода людям противопоказана, и люди дождаться не могли, пока эту свободу духа не взял у них Сатана, действительно освободив их для свободной жизни тела, что только и нужно человеку. И что может на это сын Божий возразить? Он увидел людей 15 веков спустя и понял всю тщетность своего борения за свободу духа, веры их... А самое главное, все это имеет прецедент в самой истории вероучения свободы духа: не может быть счастлив бунтовщик; не был им небесный протестант Сатана и земная пара родоначальников человечества. Так чем было искушение Христа великим духом в пустыне, *«страшным и умным духом, духом самоуничтожения и небытия?»* — до каких откровений и прозрений священной истории доходит писатель: Христос был послан Богом на землю, чтобы на себе, как на подопытном кролике или морской свинке, подтвердить ту истину, что дух, несклоняемый императивом тела, плоти есть иррациональность, абстракция, мечта и сказка.*

Христос, идеальная богова модель человека, не понял своего предназначения и до конца выполнил свою роль подопытного, лакмусовой бумажки. А искушения Сатаны, эти три его вопроса, и были проверкой идеализма богосына, ибо заключали в себе великое: *«Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековечным и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле»* («Братья Карамазовы»).

Итак, нет, не было и не будет ничего более невыносимого для человека, чем свобода. Ибо в силу законов природы, сложных социально-экономических законов бытия, для всех людей, кроме одного, да и то отчасти — Робинзона Крузо — существует альтернатива: хлеб или свобода, первым живет плоть, дух вторым, и доколе дух живет в теле, а не наоборот, до тех пор человек выбирает хлеб. Христос гордо и наивно отверг искушение Сатаны дать людям хлеб, ибо считал, что любое чудо, даже столь гуманное, как превращение камней в хлеб, снизит престиж бога-духа и отнимет у людей свободу. А зачем она: на камнях голодной пустыни? — *«Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли и сразится с тобою и победит тебя и все пойдут за ним...»* («Братья Карамазовы»). К сожалению, слишком человеческое: *«Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!»* Потому-то трудно искать добродетель в голоде и нищете тела; в голоде и нищете духа она, серенькая мышка добродетели, куда более частая гостья.

Вересаев в «Живой жизни» упорно подчеркивает метафорическую, стилистическую бедность Достоевского, но исключение ли это? — речи-обличения Великого инквизитора, расцветенные необычайными цветами литературных тропов; быть может, вдохновение раскрытия большего во всю творческую жизнь писателя вопро-

* Сюжетное (романическое) воплощение идеи проверки неидеального образа человека находим в «Новом Нечистом из Самого пекла» Антона Таммсааре, где посланный на землю в образе человеческом апостолом Петром Нечистый из преисподней для искупления своих грехов и дарования райской жизни, не может выполнить условия праведной жизни, ибо сама жизнь среди людей неотвратимо приводит к греху — условию выживания и сохранения личности.

са, подстегивало его перо? Кто и что можно сказать определенно. А на всякую догадку есть свой, еще более страшный «дух отрицания» — гиперкритика...

Но даже не то самое страшное, что предлагал не понимающий внутренней сущности человека земного Христос, говоря: не хлебом единым жив человек. И не только говоря, но содействовав этому в первое свое посещение земли. Это — создание элитарности духа. Ибо миллионы и миллионы слабых духом откажутся от свободы, если в обмен им предложат хлеб, всегда найдется элита духа, те, от силы десятки тысяч, что презреют хлеб земной и пойдут за духовным вождем ради хлеба, небесного. И тогда произойдет самое страшное: пренебрежение миллионами ради тысяч, хорошо если не десятков, а то и, единиц. Так Достоевский предугадал элитарность духа: идеологический тоталитаризм — реальное пугало XX века, так «блестяще» подтвердившийся в германском фашизме и еще более — сионизме.

И Великий инквизитор говорит о выходе, который подсказала человечеству сама история эволюции человеческой души и человеческого общества и что легло в основу управления этим современным обществом: обман масс великими идеалами, создание иллюзии свободы при наличии хлеба для всех. Это то, что называется демократией. Но управлять обманутым народом будет не элита духа, а элита страдающих ложью ради них, песчинок, миллионов...

Весь Ницше заключен в нескольких страницах легенды о Великом инквизиторе: «...Приняв «хлебы», ты бы ответил на всеобщую и вековую тоску человеческую как единичного существа, так и целого человечества вместе — это: «пред кем преклониться?» Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным сыскать поскорее того, пред кем преклониться» («Братья Карамазовы»).

Чудо, тайна и авторитет — вот силы, способные сделать массы послушными, и, по-своему, счастливыми: иметь хлеб, отдать ненужную свободу и совесть управляющей элите, чувствовать, что вожди их есть единственно достойные и надежные субъекты власти над ними, «миллионами счастливых младенцев».

Христос отверг все три искушения Сатаны, не дал людям ни чуда, ни тайны, ни авторитета.

Легенду о Великом инквизиторе легче всего объяснить как логическое обоснование Достоевским своих воззрений, их сущности, мировой истории и роли масс и вождей в ней, роли и предназначений императивных идеологий. И объяснение будет совершенно верное; говоря же об истоках подобного мировоззрения писателя, понятно, будет уместно упомянуть о ненависти его ко всему нероссийскому, неправославному и особая ненависть к римско-католической церкви, западному рационализму — в противовес русской карамазовщине.* Будет упомянуто о Достоевском, как о психопатологе психологии массовой души, его неприятию идей социального равенства и пр.

Все это, конечно, будет верным и справедливым... но, если бы мы говорили о «Легенде», как о философском трактате, а о Достоевском, как о мыслителе-моралисте. Но мы-то говорим о художнике, художественном произведении — легенде об инквизиторе, художественном воплощении вторичной идеи.

В современной психологии искусства художественное творчество, познание и

* Карамазовщина — суть стихийная, ищущая, неорганизованная еще воля русского народа. Проницательный Ницше удивительно верно понимал это и писал в унисон Достоевскому, что сильнее и изумительнее всего воля в России, «в том огромном промежуточном государстве, где Европа как бы впадает обратно в Азию». А посему Ницше ратует за предотвращение русской опасности, введение в ней европейского рационализма: «Нужны не только войны с Индией и осложнения в Азии, чтобы Европа освободилась от величайшей опасности, нужны внутренние перевороты, распадение государства на мелкие, тела и прежде всего введение парламентского идиотизма и еще обязательства для каждого читать за завтраком свою газету» (Фр. Ницше «По ту сторону добра и зла»).

самовыражение, рассматривается как возможное сочетание восприятия, эмоционального переживания и художественной фантазии:

$$[\text{Худ. творчество}] = \text{mod}_2 \{ \text{восприятие; чувство; фантазия} \}. \quad (1)$$

Как видим, любая из реализуемых здесь схем является неявной относительно роли БСЗ, оперируют только понятиями активного сознания (СЗ). Ибо формула (1) есть формула сочетаемости факторов художественного творчества, активно осознаваемых, предполагающих значительную, но неявную роль БСЗ:

$$\{ [\text{Худ. творчество}]; \text{БСЗ} \} = \text{mod}_2 [\{ \text{восприятие; чувство; фантазия} \}; \text{БСЗ}]. \quad (1a)$$

Поскольку же (1a) в рамках классической психологии искусства не разрешимо относительно роли БСЗ, не представимо в виде

$$[\text{Худ. творчество}] \Big|_{\text{БСЗ}} = \text{mod}_2 [\text{восприятие} \Big|_{\text{БСЗ}}; \text{чувство} \Big|_{\text{БСЗ}}; \text{фантазия} \Big|_{\text{БСЗ}}; \text{БСЗ}], \quad (2)$$

то оценка влияния БСЗ на художественное творчество остается лишь догадкой. Именно трудность разрешения (1a) относительно БСЗ и продиктовала Фрейд отступничество от исследования художественного творчества методами психоанализа.

Желая представить (1) в явной относительно БСЗ форме (2), установить прямое влияние неосознаваемой психической деятельности художника на его творчество (тем более, конкретного произведения), мы должны найти тот исходный момент, который, подобно Розетскому камню Шамполиона, позволит нам перекинуть прямой мостик от БСЗ к образам и идеям, активно осознанными и выраженными в творчестве.

Отличающийся от теории Фрейда большей логической систематичностью и своего рода структурностью метод установки Д. Н. Узнадзе дает определенные пролегомены к осознанию путей решения (1a). Он исходит из следующего: признавая неявный характер (1a) относительно БСЗ, отыскание решения типа (2) предполагается в преодолении рамок активно переживаемых фаз художественно-творческого процесса и поиске смысла их исходных посылок в обрасти БСЗ.

Теория Узнадзе ищет эти исходные посылки (основу конкретной и индивидуальной творческой активности) в соответствующей установке БСЗ; другие теории полагают их в физиологии высшей нервной деятельности, в биологических инстинктах и пр. Цитируем Узнадзе: *«В момент инспирации мы действительно имеем дело только с актом созревания установки; и когда художник, стимулируемый этой последней, приступает к работе по ее выражению, он осуществляет: творческую, а не просто репродукционную работу... Все это нетрудно понять, если мы вспомним, что в основе художественного творчества лежит установка. Она подготавливается заранее и, прояснившись, внезапно проявляется в сознании. Внезапно потому, что установка не является феноменом сознания».*

Итак, выход бессознательно подготовленного решения есть своего рода «созревшая установка», подготовленная в БСЗ комбинацией некоторых первоначальных, элементарных установок, которые суть сочетание фиксированных и импульсивно возникающих установок — вытеснением в область БСЗ из СЗ и В-СЗ. Так вот, вроде совсем пустячок: услышанная фраза-фабула, какой-либо отличительный звук или запах, вид, тип лица, фигура рождает идею в голове художника, а потом и переносят на бумагу, полотно, нотные листы... законченную художественную композицию: с образами, красками, смыслом и тенденцией. Но даже интуитивно мы понимаем; что то был толчок, а дело гораздо сложнее: всплыла под действием его и сцепилась в нужном порядке цепь ассоциаций, а звенья ее были фиксированными установками. Психическое состояние, физическое здоровье и нездоровье, предчувствия и все восприятие окружающего мира в момент толчка, все это зацепилось дискретами-микроустановками за зародившуюся Художественную Мысль.

Следующий этап: вывод ее из БСЗ в активное сознание для реализации в нем

структуры (1). Это и есть существеннейший момент, ибо для перехода рубежа БСЗ-СЗ сложившаяся цепь первичных установок должна принять форму, *осознаваемую активно*. Эта переходная форма есть *прообраз*, одно из центральных понятий в психологии творчества. «*Прообраз является таким возникшим в сознании художника специфическим феноменом, в котором впервые (и в целом) находит свое разрешение его «созревшая установка» или, что то же самое, в котором еще не реализовавшаяся, но уже выяснившаяся установка художника получает «выход» в сознание*» (Д. Н. Узнадзе). Далее прообраз получает форму, словесный образ, т.о. наблюдается последовательность двух родов фантазий: прообраз и словесное представление.

Представляется продуктивным рассмотреть формирование художественного образа от вторичной идеи в свете определения прообраза в теории установки.

Идея христианского искупления личным жертвованием общих грехов лежит в основе евроцентристской культуры; она же — идея победы духа над плотью, смирения под властью, реально осознаваемой необходимости чуда и пр. интерпретации. Все это есть для человека, мыслящего категориями христианской по духу происхождения и развития цивилизации, врожденными фиксированными установками. Индивидуальность Достоевского привнесла ряд специфических фиксированных установок; о них говорилось выше. Наконец, следует иметь в виду, что «Легенда» есть лишь одна из глав обширного произведения, поэтому на формирование цепи «микроустановок» в БСЗ налагалась императивная система разработанных образов и идей романа, своего рода частая сеть, накинутая на формирующийся прообраз. Глава о Христе и инквизиторе не жесткая, наоборот, зыбкая, изгибаемая во всех направлениях, но ограничивающая заключенный в ней объем «микроустановок».

Обычно, при рассмотрении формирования прообраза, как выхода художественного из БСЗ в СЗ, ограничиваются иллюзией простейшего метафорического образа; так, например, вполне объяснимо формирование образа: *«хотел бы птицею навечно поселиться на персиковой ветви наслаждений»*, — пришедшего ранним, солнечным утром, когда человек идет с полным комплексом положительных эмоций по свежему после ночи бульвару среди деревьев и щебечущих птиц, а восточная аранжировка образа — от читанных на ночь стихов Хайяма или сказок «Тысячи и одной ночи», или просто воспоминаниями о персиках, сорванных с ветки.

А сложный прообраз у Достоевского в «Легенде»? А между тем, как это ни парадоксально, на уровне прообраза *безразлично*: есть ли это прообраз «Легенды о великом инквизиторе», или прообраз птички на персиковой ветке. В этом и дело, что осознание прообраза, независимо от распространенности (объемности, значимости и пр.) образа, происходит мгновенно, в совокупности; в главе о ритме мы подробно исследовали момент спонтанной всеохватности. Это есть тот же континуальный поток образов, воспринимаемый в их целостности, недетерминированности.

И лишь после факта, вневременного, не имеющего протяженности, осознания прообраза, когда дается установка активному мышлению, начинается развертывание образа. Вот здесь-то и выявляется его идейно-образная объемность, значимость: птичка остается на ветке и все: красивое сравнение, а прообраз у Достоевского развертывается в «Легенду», всеобъемлющую всю историческую психологию масс.

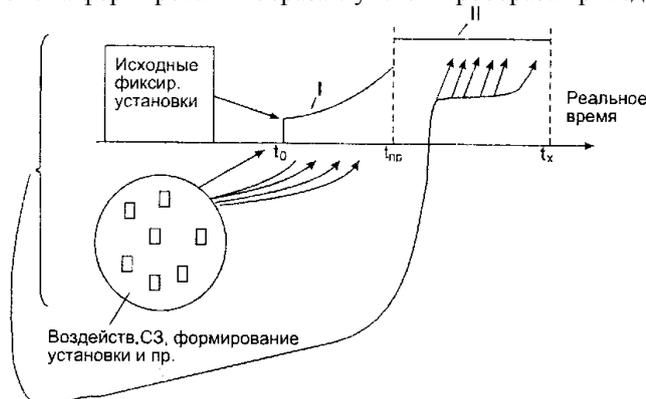
Есть прямое доказательство сказанному, хорошо знакомое каждому: просыпаясь, человек запоминает лишь некоторое общее, порой словесно не выражаемое, но *всеобъемлющее* впечатление от посетившего его сна. Это есть не что иное, как осознание прообраза сна при переходе от сна (БСЗ-установки) к бодрствованию, включению активного мышления. Только в данном случае этот переход от БСЗ к СЗ совершается довлеюще, по физиологическим причинам, при просыпании, в случае же художественного творчества — по причинам более сложным, более статистического порядка, но в сути своей, также по довлеющим над активным СЗ.

В родственности этих двух процессов и состоит причина того, что часто процесс сон — просыпание — активное мышление у художественных натур совпадает с творческим процессом; наиболее хрестоматийный пример — творчество Кафки, Томаса Манна. Проблема соотношения работы БСЗ во сне и творческого процесса требует отдельного рассмотрения, поэтому здесь на этом вопросе более не задерживаемся.

Итак, гипотеза о вневременном осознании прообраза представляется довольно убедительной. В заключении попробуем реконструировать прообраз «Легенды» у Достоевского; учитывая, что нижеприведенное не имеет временной протяженности, этот прообраз выглядит так.

Иван Карамазов — Алеша Карамазов; рационально-логическое и духовное начало; два типа из 3-х крайних воплощений русского характера. Плотское и духовное — диалектика противоречия в христианстве. Христос и Пилат, но... Пилат неорганично вписывается в конфликт, ибо он прокуратор и судья чужой и нелицеприятный, остранный. Нужен заинтересованный апологет. Наивысшая идея католического христианства: власть от бога — Христу, от него Петру, от Петра царям земным и духовным, Папе. Перерождение идеи христианства и идеи искупления: от искупления духа к искуплению плоти. Страдающий дух избранников и торжествующая бездуховная плоть. Когда счастливы миллионы? — Хлеб, бездушные, поклонение. Массой. Идеалы Христа — для избранников. А во имя чего? Созидания. Искушение — испытание свыше. Опыт. Полная капитуляция Христа. Бедный Христос. Поцелуй — дань традиции. Не Иуды. Нет, тема Иуды не здесь. Он излишен. Но поцелуй есть.

Схема формирования образа с учетом прообраза приведена на рисунке:

Пояснение к рисунку: в БСЗ сохранены фиксированные установки — следы художественного опыта. В момент t_0 начинается формирование цепочки установки; время $t_0-t_{пр}$. — неосознаваемое, но реальное время ее формирования под воздействием СЗ, внешних факторов В-СЗ, формирующихся установок и пр. на протяжении всего времени $t_0-t_{пр}$. Кривая I — нарастающая. В момент времени $t_{пр}$. — вневременное формирование прообраза, линия II — от $t_{пр}$ до t_x — осознаваемое реальное время активного творческого процесса. На протяжении всего этого времени исходные установки и пр. из БСЗ воздействуют на скелет (прообраз).

